

RU

Цифровая дипломатия США в 2009-2020 гг. в свете развития инновационных технологий

Гришанина Т. А.

Аннотация. В данной статье представлена эволюция цифровой дипломатии США через призму технологического развития. Цель исследования – выявить предпосылки и основные этапы развития цифровой дипломатии США в период с 2009 г. по 2020 г. в свете развития и внедрения инноваций в государственную практику. Научная новизна заключается в том, что впервые представлен комплексный анализ влияния технологического компонента силы на становление институтов цифровой дипломатии США. В результате сформирована периодизация внедрения инноваций в дипломатические практики США, выявлены факторы, оказавшие принципиальное влияние на непрерывный процесс цифровой трансформации Госдепартамента, а также объяснено неизбежное сближение концепций цифровой дипломатии и кибербезопасности.

EN

The US Digital Diplomacy in 2009-2020 through the Lens of Evolving Innovative Technologies

Grishanina T. A.

Abstract. This article presents evolution of the US digital diplomacy through the lens of technological advancement. The purpose of the study is to identify prerequisites and the main stages of the US digital diplomacy development from 2009 to 2020 in the light of development and introduction of innovations into the state practice. The study is novel in that it is the first to carry out a comprehensive analysis of impact of the technological component of power on the US digital diplomacy formation. As a result, the researcher created a periodisation reflecting introduction of innovations into the US diplomatic practices; identified the factors that had a fundamental impact on continuous process of digital transformation of the US Department of State and explained inevitable convergence of the concepts of digital diplomacy and cybersecurity.

Введение

Развитие Интернета способствует переносу важной части общественных отношений, в частности отношений между государствами, в относительно новое пространственное измерение мировой политики – киберпространство. Актуальность исследования данной темы обусловлена необходимостью раскрыть роль технологического компонента в рамках концепций «мягкой» и «умной» силы по мере внедрения цифровых технологий в государственные и дипломатические практики. Кроме того, изучение инноваций как части внешнеполитических стратегий вовлечения поможет лучше понять суть происходящих цифровых изменений в социуме и степень их влияния на международные отношения.

Сфера публичной дипломатии пережила появление и массовое распространение Интернета и, развиваясь в непрерывной цифровой среде, концептуализировалась в научном и политическом дискурсе в понятие цифровой дипломатии [9, р. 31]. Данная статья освещает трансформации, происходившие в цифровой дипломатии США в последнее десятилетие. В фокусе исследования – роль цифровых технологий в государственных практиках США, связанных с цифровой дипломатией. Исходя из цели исследования, были поставлены следующие задачи: во-первых, определить основные понятия, связанные с цифровой дипломатией; во-вторых, рассмотреть технологическое развитие е-дипломатии (1999–2009 гг.) как предпосылки появления цифровой дипломатии США и раскрыть значение технологической составляющей в процессе становления цифровой дипломатии (2009–2020 гг.); в-третьих, определить, какими концептуальными и практическими изменениям характеризовалось развитие цифровой дипломатии (е-дипломатия, «публичная дипломатия 2.0», стратегические коммуникации, дипломатия данных).

В основе методологии исследования лежит принцип историзма. В качестве общенаучных методов были использованы анализ и синтез в совокупности. Кроме того, для выполнения поставленных задач применялся метод сравнения понятий, позволивший установить различия между базовыми понятиями, принадлежащими к одной категории: е-дипломатии, цифровой дипломатии и кибердипломатии. С помощью историко-генетического метода исследования удалось установить предпосылки и проследить эволюцию цифровой дипломатии в указанный период. Методы системного анализа и документального анализа правительственных документов позволили реконструировать систему цифровой дипломатии США и определить влияние цифровых технологий на осуществление дипломатических практик.

Теоретической базой послужили работы зарубежных исследователей, в которых рассматривается феномен цифровой дипломатии. Американский учёный Дж. Най [11] является автором теории взаимозависимости и концепции мягкой силы, видным теоретиком публичной дипломатии. В основе исследования – работа И. Манора “The Digitalization of Public Diplomacy” («Цифровизация публичной дипломатии») [9] об изменениях, происходящих в области современной публичной дипломатии. Исследователь представил комплексный анализ роли дипломатии и цифровой коммуникации в новом сетевом обществе. Ш. Риордан [12] и Й. Курбалия [7] предложили варианты классификации понятий, связанных с цифровой дипломатией. А. Вендт [4] и Дж. дер Дерриан [3; 4], исследующие международные отношения с позиций конструктивизма, впервые предложили рассматривать в основе социальных наук принципы квантовой механики. Данная точка зрения представляется значимой в свете развития квантовых вычислений и теории квантовой коммуникации, описанной М. Нильсеном и И. Чангом [1].

Российский научный дискурс представлен исследованием об этапах развития цифровой дипломатии США Н. А. Цветковой [2]. Документальная база представлена стратегиями и отчётами Госдепартамента США в сфере IT-технологий, а также документами Конгресса США и экспертными рекомендациями.

Практическая значимость исследования состоит в том, что на основе изложенных данных и установленных закономерных изменений возможно спрогнозировать вектор дальнейшего развития цифровой дипломатии США. Кроме того, представленные результаты могут дополнить образовательные программы о цифровой дипломатии США. Таким образом, результаты исследования могут быть использованы как в аналитической, так и в педагогической деятельности.

Основные понятия и предпосылки развития цифровой дипломатии США

Новые технологии определили появление новых форм международного взаимодействия. Цифровая дипломатия стала одной из наиболее динамично развивающихся дипломатических практик XXI века. Ш. Риордан предложил разграничить термины «е-дипломатия», «кибердипломатия» и «цифровая дипломатия» [12]. Под термином «цифровая дипломатия» исследователь подразумевает использование цифровых инструментов для решения дипломатических задач. Термин «кибердипломатия» связан с использованием дипломатических инструментов для решения межгосударственных вопросов, возникающих в киберпространстве. В современном мире цифровая дипломатия и кибердипломатия осуществляются как государственными, так и негосударственными акторами, включая НКО и отдельных лиц. Термин «е-дипломатия» использовался на рубеже XX-XXI веков для обозначения процесса и средств электронной поддержки дипломатии. Термин пришёл из области коммерции и был довольно популярен, однако сейчас его частотность крайне низка. Он связан с созданием электронной инфраструктуры для ведения дипломатической деятельности. Похожую классификацию предложили исследователи европейской неправительственной организации «Диплофаундейшн» (*DiploFoundation*), занимающейся изучением цифровой дипломатии, однако мы будем придерживаться классификации Ш. Риордана. Й. Курбалия также вводит в оборот новую концепцию «дипломатии данных» (*data-diplomacy*) [7, p. 13]. Она совмещает в себе науку о данных, компьютерные технологии, математическое моделирование и социальные науки, международные отношения, дипломатические переговоры. В научном дискурсе дипломатия данных рассматривается как часть «цифровой гуманитаристики» (*Digital Humanities*). Её задача – предложить новое концептуальное видение для дипломатии и цифровые инструменты для международных отношений в современном мире.

Цифровая инфраструктура для Госдепартамента США начала выстраиваться ещё в 1990-х гг. После распада СССР функции Министерства обороны и Госдепартамента США стали некоторым образом пересекаться. Миротворческую миссию взяли на себя военные, а программы Госдепартамента, например, проекты публичной дипломатии, недополучали финансирование. Одним из примеров использования электронных средств служили также международные биржевые и торговые операции. Необходимо было не только снова разграничить функции министерств, но и предоставить дипломатам технические средства, уже имевшиеся в распоряжении как военных, так и финансистов. В это время была подготовлена почва для дальнейшего более существенных трансформаций в соответствии с меняющимся контекстом технологического развития. Дискуссии о создании централизованной структурированной системы электронных средств поддержки дипломатической деятельности активно велись ещё в конце 1990-х гг. Их результатом в 1999 г. стал «Отчёт консультационного совета внешнеполитической службы за рубежом». В Отчёте даны рекомендации о немедленном обновлении систем ИКТ, развёртывании как открытых, так и конфиденциальных сетей для дипломатических работников, а также публично доступных ресурсов для граждан [8, p. 57]. Затраты на создание централизованной электронной инфраструктуры на начальном этапе оценивались в \$330-400 млн [Ibidem, p. 57-58].

После событий 11 сентября стало очевидно, что мягкая сила жизненно важна для национальных интересов США, соответственно, произошло обновление и расширение спектра программ публичной дипломатии. Одновременно с пониманием того, как выстроить физическую основу, складывается концепция е-дипломатии. Важные шаги на этом направлении были предприняты Госсекретарём К. Пауэллом в 2001–2005 гг. в рамках более масштабных программ технологической модернизации государственного аппарата США. В 2003 г. в составе Управления информационными ресурсами (*IRM*) Госдепартамента был создан «мозговой центр» – Служба е-дипломатии (*Office of eDiplomacy*), которая стала заниматься вопросами ИТ-обеспечения. Первоочередными задачами была консолидация инфраструктуры для е-дипломатии [14]. В результате к 2005 г. было обеспечено бесперебойное подключение к системам *SIPRNET* (для передачи секретной информации) и *OSIS* (открытые сети), в единую систему консолидированы сервера, с помощью электронных средств оптимизирована финансовая сторона, выполнены сайты основных дипломатических ведомств и программ публичной дипломатии, объединены в глобальную сеть адреса электронных почт, внедрены программы для повышения эффективности работы подразделений департамента, проведено обучение персонала. Согласно отчётам, была создана безопасная глобальная инфраструктура открытых (*OpenNet*) и закрытых (*ClassNet*) каналов с официальным уровнем готовности 99,5% [15]. В этот период были освоены базовые ресурсы, которые впоследствии будут модернизироваться и на основе которых будет осуществляться связь между ведомствами и координаторами программ публичной дипломатии, а также с внешней аудиторией в глобальном масштабе.

Тем не менее, не всё работало так гладко, как было запланировано и указано в документах. Дипломатические миссии за пределами США испытывали значительные трудности из-за цифрового разрыва в развивающихся странах, который необходимо было преодолеть. Работу в этом направлении продолжила Госсекретарь К. Райс. Стало понятно, что только инфраструктуры недостаточно, необходимы соответствующие демократические институты, обеспечивающие стабилизацию и однородность развития. В таких условиях становится возможным сокращение цифрового разрыва, распространение коммуникационных сетей и стандартизация операций. В 2007 г. произошла переориентация стратегического вектора с выстраивания инфраструктуры на функциональную трансформацию регионов усилиями обученных специалистов. В документах данная концепция была обозначена как «трансформационная дипломатия» [10, р. 8]. Для её реализации учреждались региональные посты американского присутствия (*APP*) – небольшие консульские подразделения с минимальными ресурсами и кадровым составом, не имевшие полномочий на выдачу виз, однако хорошо оснащённые техническими средствами связи для соединения отдалённых регионов с центральными ведомствами и передачи важной информации «из полей».

Служба е-дипломатии разработала виртуальные посты присутствия (*VPP*) – сайты, где объясняется политика США и отношения с принимающей стороной. Кроме того, был предложен ряд инициатив для более простого доступа дипломатов к Интернету и системным ресурсам – внутренняя база знаний «Диплопедия» (*Diplopedia*), более быстрой и надёжной связи между ведомствами и отдельными сотрудниками – внутренняя платформа «Коридор» (*Corridor*), обучения действующих и будущих дипломатов – программа «Виртуальная студенческая дипломатическая служба» (*Virtual Student Foreign Service*). Особое внимание уделялось тестированию беспроводных технологий, мобильных приложений и устройств, адаптивной аудиовизуальной коммуникации, *VoIP*, переводческих сервисов, умного поиска, социальных сетей как дипломатического инструмента.

В 2008 г. заместитель Госсекретаря Дж. Глассман впервые употребляет понятие «публичной дипломатии 2.0» для обозначения нарождающегося феномена. Информационная работа с населением осуществлялась с использованием систем управления взаимоотношениями (*CRM*), которые помогали вести учёт контактов публичной дипломатии. На этом же этапе видны первые шаги по активизации и популяризации блогосферы как пространства для распространения внешнеполитического нарратива США на площадках «Диплоноут» (*DiploNote*) и «Опионион спейс» (*Opinion Space*) для публичной работы и «Комьюнитиз-эт-стейт» (*Communities@State*) для внутренних коммуникаций.

В дипломатии США прочно утверждаются идеи управления знаниями, мобильных вычислений, совместного использования, и к началу нового десятилетия триада «данные-информация-знания» становится ценностью и неотъемлемой характеристикой рабочей среды. Такой подход не раз критиковался за ошибки в работе систем, недостаточно оперативное реагирование в зонах конфликтов, нехватку квалифицированных кадров, отсутствие системного подхода. Тем не менее, на рубеже XX–XXI вв. США удалось выстроить базовую инфраструктуру сначала для е-дипломатии, затем для «публичной дипломатии 2.0» и внедрить экспериментальные цифровые практики.

Таким образом, в этот период появившиеся в 2003–2007 гг. технологические инновации начинают уже всерьёз рассматриваться Госдепартаментом как инструмент продвижения внешнеполитических интересов США. Была подготовлена почва для более масштабных преобразований, которые полностью изменят способы взаимодействия США с другими государствами. Основным фактором, помимо непосредственно технологического развития общества, стало стремление США обеспечить свою безопасность и доминирование в новом тысячелетии за счёт контроля над инновациями. Новые технологии стали средством реализации внешней политики, обеспечивающим скорость и точность передачи информации, широту охвата населения, новые каналы мобилизации.

Этапы развития цифровой дипломатии США: от «публичной дипломатии 2.0» до дипломатии данных

Н. А. Цветкова выделяет три стадии развития цифровой дипломатии США. Во время первого этапа (2009–2012) Госсекретарь Х. Клинтон внедрила саму концепцию цифровой дипломатии и запустила новые проекты [2, с. 39].

В основе этих программ по-прежнему оставались стратегии создания привлекательного образа и вовлечения аудитории, описанные Дж. Наем ещё в 1990 г. [11, р. 31], «цифровая мягкая сила». Централизованные инструменты анализа социальных сетей, как и цифровые кампании, применялись ещё не так широко. Основным средством был диалог с зарубежным населением, вовлечение в совместную деятельность на общих цифровых площадках, работа с лидерами мнений и их обучение. Вовлечение происходило не только в медиасреде, но и среди экспертов по международным делам. «Диплопедия» стала доступна для внешнего пользователя, активно создавались экспертные аккаунты в *Facebook*, *Twitter*, *LinkedIn* и других социальных сетях. Обучение новым технологиям было не менее важно и реализовалось в 2010 г. в программе публичной дипломатии «ТехКэмп» (*TechCamp*) для молодых технических специалистов, журналистов и представителей НКО. Вскоре эти усилия принесли плоды и привели к появлению «твиттер-дипломатии» [2, с. 41]. Полный потенциал влияния и мобилизации в новых медиа проявился уже к 2011 г. в революциях «арабской весны», большую роль в организации которых сыграли социальные сети.

В новом стратегическом плане развития ИТ 2011-2013 гг. Госдепартамент США определил ряд приоритетных направлений. Во-первых, часть дипломатической активности должна была перейти в Интернет не на экспериментальной и децентрализованной основе, а в качестве системной и постоянной практики. В это время для персональных аккаунтов политиков и государственных деятелей стали разрабатываться цифровые PR-стратегии, выстраивались сетки контент-планов, международное вещание переводилось в цифровой формат. Во-вторых, большое внимание уделялось облачным вычислениям и созданию надёжной и безопасной глобальной облачной инфраструктуры. Управление по информационным ресурсам выступило с инициативой Сетевого Госдепартамента (*FAN*) – централизованной облачной платформы, предназначенной для передачи незашифрованной информации между ведомствами, включая Агентство по международному развитию (*USAID*). Наконец, ключевым элементом любого масштабного структурного изменения, помимо процессов и технологий, являются квалифицированные сотрудники, имеющие необходимые знания и опыт. В этот период появились внутренние программы обучения инструментам работы с новыми медиа, а также программы по медиаграмотности для населения зарубежных стран, в частности для иностранных журналистов и преподавателей [16].

Все эти шаги подготовили почву для системного и непрерывного ведения цифровых кампаний, а также начала глобального сбора и хранения данных. В 2011 г. Б. Обама подписал президентский указ (*Executive Order 13584*) «О разработке инициативы контртеррористических коммуникаций и учреждении временной организации для поддержки коммуникационной правительственной деятельности за рубежом» [5]. Вторым этапом развития цифровой дипломатии (2013-2017) характеризуется переходом от «цифровой мягкой силы» к концепции стратегических коммуникаций [2, с. 40]. В этот период облачная инфраструктура была уже полностью функциональна. Начали разрабатываться и применяться методы анализа «цифрового» поведения пользователей на основе настроений и предпочтений. При наличии такой информации диалог оказался слишком ресурсозатратной практикой, замещаясь стратегиями прямого и косвенного информационного воздействия и пропаганды. Был создан Центр стратегических контртеррористических коммуникаций (*Center for Strategic Counterterrorism Communications*) и в его составе сформированы команды по цифровым внешним контактам (*Digital Outreach Teams*). Они должны были заниматься созданием положительного информационного фона вокруг США, продвижением внешнеполитической повестки США, противодействием информационным усилиям враждебных стран и нейтрализацией враждебных нарративов в Интернете. При этом в качестве враждебного определялось всё, что противоречило или не соответствовало позиции администрации.

В новом стратегическом плане 2014-2016 гг. приоритетные направления развития касались «мобильной дипломатии» (*mobile diplomacy*), цифровой дипломатии с акцентом на аналитику, управление информацией и знаниями, а также продолжения развития глобальной цифровой инфраструктуры и методов управления цифровыми системами. Впервые в документах появилась кибербезопасность как один из ключевых компонентов инфраструктуры для дипломатической деятельности. Была разработана и внедрена система идентификации *ICAM*, завершены разработки внутреннего открытого мессенджера для дипломатов *SMART* и средств для обмена конфиденциальными сообщениями *TS*. Также в фокусе – продолжение развёртывания защищённого беспроводного подключения, *FAN*, облачных вычислений с личными виртуальными сервисами, мобильных приложений для создания и хранения аналитики в формате *OpenNet*. Появилась идея внедрения «зелёных» информационных технологий, что позволило бы создать энергосберегающие системы. Приобрёл популярность офшоринг данных для зарубежных ведомств Госдепартамента – обеспечение возможностей для безопасного хранения данных за пределами США [17]. Таким образом, выстраивалась глобальная система логистики и хранения данных, появились новые способы сбора и обработки данных.

Концепция стратегических коммуникаций, безусловно, также подразумевала высокопрофессиональную информационно-коммуникационную работу в интернет-пространстве, поэтому был запущен пилотный проект «Прямая линия с американским бизнесом» (*Direct Line to American Business*). Данная программа обеспечивала прямую связь зарубежных посольств с представителями американской ИТ-индустрии и проведение онлайн-консультаций по текущим вопросам. На этом этапе важной темой для обсуждения являлись инновационные решения в дипломатии, касающиеся мониторинга интернет-пространства в реальном времени. Так, в 2016 г. в Школе прикладных информационных технологий (*SAIT*) Института зарубежной службы (*FSI*) была учреждена «инновационная песочница» (*Innovation Sandbox*), где изучается взаимосвязь между технологиями и дипломатией. Цель «хаба» – повысить уровень эффективности дипломатической работы с помощью ИТ-технологий [ibidem]. Следовательно, международное взаимодействие теперь велось на совершенно других скоростях, а основными

пунктами повестки стали кибербезопасность и управление данными. Привлекательность обеспечивалась не за счёт диалога, а за счёт создания удобных и приятных для зарубежных пользователей интерфейсов и нарративов эмоционального воздействия. Вовлечение в эти нарративы обусловлено вовсе не красивыми образами, а системным воздействием на поведение, работой с убеждениями и предпочтениями. Такие практики применения «умной» и «острой» силы в данный период стали неотъемлемой частью ведения информационно-психологических и когнитивных войн в киберпространстве.

Третья стадия, начавшаяся в 2018-2020 гг., вывела развитие цифровой дипломатии на новый уровень [2, с. 45]. Она характеризуется массивным использованием больших данных и дипломатии данных, а также институционализацией этих видов деятельности.

Непрерывный технологический рост стимулирует дальнейшую модернизацию механизмов цифровой дипломатии США. Стратегический план развития ИТ 2017-2019 гг. стал логическим продолжением предпринимавшихся ранее усилий [18]. В стратегическом плане 2019-2022 гг. поставлены задачи внедрить интерфейсы голосовой машинной коммуникации (*voice-to-computer interfaces*) – аналог *Siri* и *Alexa*. Особое внимание будет уделяться появляющимся технологиям на основе искусственного интеллекта, системам глобальной спутниковой навигации и цифровой картографии, а также использованию переводческих сервисов на нейросетях. Кибербезопасность остаётся одним из ключевых вопросов в повестке цифровой дипломатии. Для её обеспечения предлагается развернуть Систему управления идентификацией пользователей (*EIMS*), репозитории данных, обеспечивающие безопасную циркуляцию данных (структурированных, полуструктурированных и неструктурированных) между облачными и локальными системами [19].

В отчёте Белферского центра науки и международных отношений Школы Кеннеди в Гарварде за 2019 г. освещается влияние новейших технологий на систему международных отношений. Выделены четыре ключевых технологических прорыва нового десятилетия: сети 5G, технологии «дипфейк» (*deepfake*), квантовые вычисления и синтетическая биология. Внедрение этих технологий «двойного назначения» (*dual-use*) обсуждается как на федеральном уровне, так и на уровне штатов. Китай обозначен в качестве стратегического противника, что может породить новую технологическую гонку. Конгресс США приостановил контракты китайской компании «Хуавей» (*Huawei*) по созданию сетей 5G на территории США. Фейки и синтетические медиа также рассматриваются как угроза безопасности. Алгоритмы для распознавания такого контента пока ещё несовершенны, поэтому Управление перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США (*DARPA*) оказывает дополнительную поддержку таким проектам, как медиа-экспертиза (*MediFor*) и семантическая экспертиза (*SemaFor*) [13]. Первая представляет собой набор экспертных инструментов для выявления соответствия действительности изображений и видео в интернет-пространстве. Вторая показывает семантические несоответствия в устных и письменных текстах. Внедрение технологий выявления фейков на основе машинного обучения станет одним из вызовов и целей модернизации данного периода, как и перспективы использования синтетического контента.

Одним из факторов, повлиявших на такую трансформацию, стал скандал вокруг американских выборов 2016 г. Цифровые фейки, манипулирование информацией и подозрения во вмешательстве привели к началу внутренних расследований и принятию ряда законодательных инициатив. В частности, были инициированы расследование специального прокурора Р. Мюллера о вмешательстве России, а также расследование в отношении исследовательского центра «Кембридж Аналитика» (*Cambridge Analytics*). Представителей центра, участвовавшего в президентской кампании Д. Трампа и в кампании в поддержку Брексита (*“Leave EU”*), обвинили в незаконном использовании персональных данных пользователей соцсетей. В 2018 г. компания объявила себя банкротом и прекратила деятельность. Вспыхнули острые дискуссии о приватности, защите персональных данных, модерации контента и необходимости введения цифровой цензуры. *Facebook* наложил ограничения на алгоритмы интеллектуального анализа данных (*data-mining*) [6].

Таким образом, с одной стороны, появляется потребность государственного регулирования социальных сетей, с другой – встаёт вопрос о праве на свободное использование как уже существующих, так и будущих технологий. Фактическое отсутствие государственного регулирования при быстрой коммерциализации технологий и их появления в открытом доступе порождает проблему безопасности. Большие надежды в её решении возлагаются на технологии машинного обучения, квантовых вычислений и Интернета вещей (*IoT*). Перечисленные выше инновации позволяют предположить появление новых концептуальных феноменов в рамках цифровой дипломатии.

Заключение

Использование социальных сетей для публичного обращения официальных представителей государства к общественности другого государства нашло широкое применение в мировой дипломатической практике. Ключевую роль в этом процессе играют цифровые технологии, благодаря которым возможно не только появление новых акторов дипломатии, но и создание всё более сложных форм общения с целевой аудиторией. Были разграничены три основных понятия, связанных с использованием цифровых технологий в дипломатических практиках: цифровой дипломатии, кибердипломатии, е-дипломатии. Кроме того, необходимо отметить, что происходит сращивание области цифровой дипломатии с другими областями профессиональной деятельности, такими как анализ данных, журналистика данных, SMM, разработка ПО и кибербезопасность.

Были рассмотрены предпосылки появления цифровой дипломатии, которые заключаются в создании базовой инфраструктуры, появлении концепций е-дипломатии и «публичной дипломатии 2.0», осуществлении первых попыток межведомственной работы и работы с зарубежным населением в Интернете. Несмотря на терминологическое и концептуальное многообразие, развитие цифровой дипломатии является непрерывным процессом. Происходит расширение как содержания, так и методов исследования цифровой дипломатии. Важную роль приобретает технологический компонент силы, который ещё больше размывает границу между «мягкой» и «жесткой» силой. По мере внедрения цифровые технологии меняли характер работы с населением зарубежных стран в Интернете: от стратегий «цифровой мягкой силы», диалога и вовлечения до стратегических коммуникаций и дипломатии данных. Трансформации, которые произошли в цифровой дипломатии за последнее десятилетие, а также текущие технологические достижения позволяют оценить тренды её развития. Ставится вопрос о двойственной природе тех средств, которые используются в ИКТ. В свою очередь, «технологии двойного назначения» вновь поднимают вечную дискуссию о том, где заканчивается дипломатия и начинается война.

Постепенно начинает происходить сближение сферы цифровой дипломатии и кибербезопасности. Чаще всего принято проводить четкую границу между «мягкой» и «жесткой» силой, однако возможен и другой подход, который заключается в их синтезе. В частности, это сближение можно объяснить с помощью явления «запутанности» (*entanglement*), о котором упоминали А. Вендт и Дж. дер Дерриан, описывая влияние квантовых технологий и искусственного интеллекта на теорию международных отношений [4, р. 5]. Ещё в 2011 г. Дж. дер Дерриан предложил концепцию «квантовой дипломатии» (*quantum diplomacy*). Кажущиеся несвязанными события переплетаются в контексте глобальных медиа, на дипломатической арене появляются новые игроки и форматы взаимодействия, функционирующие в условиях крайней неопределённости. Дипломатия переходит от ведения переговоров между государствами к взаимодействию между городами, районами, улицами и отдельными людьми. С одной стороны, технологии обеспечивают открытость коммуникации, с другой – такая открытость порождает необходимость быть предельно осторожным в интернет-пространстве. При этом традиционная дипломатия не исчезла, как и необходимость сохранять конфиденциальность по ряду вопросов. Это и подразумевается под «запутанностью» квантовой дипломатии [3, р. 373-374]. Теория квантовой информации, описанная М. Нильсеном и И. Чангом, делает ряд предположений о том, как в будущем могут выглядеть коммуникационные системы [1, с. 693-695]. И всё же концепции квантовой дипломатии и квантовой теории международных отношений остаются спорными и подвергаются обоснованной критике.

Список источников

1. Нильсен М., Чанг И. Квантовые вычисления и квантовая информация. М.: Мир, 2006. 824 с.
2. Цветкова Н. А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 2. С. 37-47.
3. Derian J. der. Quantum Diplomacy, German-US Relations and the Psychogeography of Berlin // The Hague Journal of Diplomacy. 2011. Vol. 6. Iss. 3-4. P. 373-392.
4. Derian J. der, Wendt A. “Quantizing International Relations”: The Case for Quantum Approaches to International Theory and Security Practice // Security Dialogue. 2020. Vol. 51. Iss. 5. P. 1-15.
5. Developing an Integrated Strategic Counterterrorism Communications Initiative and Establishing a Temporary Organization to Support Certain Government-Wide Communications Activities Directed Abroad [Электронный ресурс]: Executive Order 13584. September 9, 2011. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2011/09/15/2011-23891/developing-an-integrated-strategic-counterterrorism-communications-initiative-and-establishing-a> (дата обращения: 16.04.2021).
6. Granville K. Facebook and Cambridge Analytica: What You Need to Know as Fallout Widens [Электронный ресурс] // The New York Times. 2018.03.19. URL: <https://www.nytimes.com/2018/03/19/technology/facebook-cambridge-analytica-explained.html> (дата обращения: 10.04.2021).
7. Jacobson B. R., Höne K. E., Kurbalija J. Data Diplomacy: Updating Diplomacy to the Big Data Era. Geneva: Diplofoundation, 2018. 72 p.
8. Kaden L. B. America’s Overseas Presence in the 21st Century: The Report of the Overseas Presence Advisory Panel. Darby: Diane Pub Co, 1999. 73 p.
9. Manor I. The Digitalization of Public Diplomacy. L.: Palgrave MacMillan, 2019. 356 p.
10. Nakamura K. N., Epstein S. B. Diplomacy for the 21st Century: Transformational Diplomacy: CRS Report for Congress. Washington, D.C.: Library of Congress. Congressional Research Service, 2007. 32 p.
11. Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. N. Y.: Basic Books, 1990. 336 p.
12. Riordan S. Cyber Diplomacy vs. Digital Diplomacy: A Terminological Distinction [Электронный ресурс] // USC CPD Blog. 2016. May 12. URL: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/cyber-diplomacy-vs-digital-diplomacy-terminological-distinction> (дата обращения: 10.04.2021).
13. Technology and Public Purpose Project: 5G, Deepfakes, Quantum Computing, Synthetic Biology [Электронный ресурс] / Belfer Center for Science and International Relations at Harvard Kennedy School. 2020. URL: <https://www.belfercenter.org/project/technology-and-public-purpose> (дата обращения: 10.04.2021).
14. U.S. Department of State Information Technology Strategic Plan FY 2001-2005 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/> (дата обращения: 16.04.2021).

15. U.S. Department of State Information Technology Strategic Plan FY 2006-2010 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/> (дата обращения: 16.04.2021).
16. U.S. Department of State Information Technology Strategic Plan FY 2011-2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/> (дата обращения: 16.04.2021).
17. U.S. Department of State Information Technology Strategic Plan FY 2014-2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/> (дата обращения: 16.04.2021).
18. U.S. Department of State Information Technology Strategic Plan FY 2017-2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/> (дата обращения: 16.04.2021).
19. U.S. Department of State Information Technology Strategic Plan FY 2020-2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/> (дата обращения: 16.04.2021).

Информация об авторах | Author information

Гришанина Татьяна Александровна¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Grishanina Tatiana Alexandrovna¹

¹ Saint-Petersburg State University

¹ tatiana.grishanina@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 07.03.2021 ; опубликовано (published): 30.04.2021.

Ключевые слова (keywords): цифровая дипломатия; стратегические коммуникации; дипломатия данных; умная сила; цифровая трансформация; digital diplomacy; strategic communications; data diplomacy; smart power; digital transformation.